

ЗАМЕТКИ О ФРАНЦИИ

В Парижской опере

Каждый приезжающий в Париж иностранец неизменно любит гулять по величественным зданиям, находящимся в центре французской столицы, на скрещении авеню д'Опера и Итальянского бульвара.

На главном фронте — надпись золотыми буквами: «Национальная Академия Танца». Мраморные и малахитовые колонны, скульптурные группы. Музы на крыше, красивый подъезд — все это украшает монументальное здание Парижской оперы.

Ее осенний сезон неизменно открывает президент республики в присутствии депутатов, магистратов, академиков и всего дипломатического корпуса.

Первый камень нынешнего здания Оперы был заложен Наполеоном III в 1862 году, но весь театр в целом, построенный архитектором Шарлем Гарнье, закончен уже при Третьей Республике — в 1875 году.

После пожара Оперы в 1936 году на сцене и в театре был проведен ряд переделок. Сцена отделана от зрительного зала тяжелым стальным занавесом. Разумеется, многие найдут чрезмерным обилие украшений и позолоты, скульптуры и барельефов, гирлянд и медальонов, пухлых амуров и купидонов с золотыми крылышками. Но при всем этом обилии стилей и блеска, утомляющем глаза, нельзя не признать некоторого величия двух основных тонов — золотого и красного. Не забудем, что в эпоху Наполеона III архитектурные и художественные вкусы несколько отличались от наших.

При осмотре Оперы меня сопровождал ее главный балетмейстер и постановщик — Сергей Михайлович Лифарь, киевлянин по рождению, человек, впитавший в себя два течения мирового балета с явным преобладанием русских классических традиций.

Проходя необъятными и запутанными коридорами, мы ведем обычный парижский разговор; перескакиваем с одного предмета на другой. Лифарь слегка охрип от целого дня речей, команд на репетиции «Жизели», которую он снова ставит на сцене Оперы. В последнем балете Жизель танцует наша соотечественница Нина Вырубова, принца — сам Лифарь.

Мы начинаем осмотр с расположенного за сценой уютного зала («фуайе де данс»), в котором артисты балета проделывают последние упражнения перед выходом на сцену. В глубине зала стоит рояль, за ним — большое зеркало 7×10 метров. Вдоль обеих стен — традиционные «барьеры». Лифарь рассказывает, что при постановке торжественных спектаклей, когда участвует весь кордебалет Оперы (220 человек), снимаются задние декорации сцены, и торжественный выход начинается именно отсюда, из этого зала.

Как бы вскользь Лифарь замечает, что одной из его первых «реформ», проведенных в театре Оперы, было запрещение доступа посторонним лицам за кулисы во время антрактов.

Открывается боковая дверь, и мы оказываемся на сцене.

Она имеет 52 метра в ширину, 37 — в глубину и 60 метров в высоту. Для сравнения укажем, что высота внутренних сводов собора Нотр-Дам (Собор Парижской Богоматери) всего 35 метров. Сцена имеет заметный наклон к зрительному залу. Там и сям в полу видны профили театральных люков; в одном месте проложены стальные рельсы.

Поражают не только огромные размеры сцены, позволяющие вместить до 450 исполнителей. Русский посетитель не может не вспомнить, что именно здесь, может быть, на этих же самых слегка истертых квадратах паркета почти полвека назад пресыщенные эстетсы Запада увидели во

всем величии и простоте лучших посланцев русского искусства. Здесь ходил величайшей поступью Федор Шаляпин в тяжелом царском облачении Бориса Годунова; здесь пел плененный князь Игорь и в бешеном темпе носились половецкие девушки; здесь в скорбном полете незабываемых рук все ниже опускалась голова Анны Павловой в последних на «Умиряющего лебедя». В этом же зале в майский вечер 1914 года неподвижно замерли парижане, впервые увидев поразившую всех декорацию к «Золотому петушку» Римского-Корсакова, исполненную никому тогда не известной Натальей Гончаровой.

На этой сцене танцевали Карсавина, Спесивцева, Нижинский и Фокин. Еще недавно тысячи зрителей аплодировали здесь советскому певцу Петрову в роли царя Бориса. Здесь подвизаются и сейчас русские мастера искусства Лифарь, Ефимов, Вырубова. Отсюда наши артисты устами Дягилева сказали новое слово, положили начало современному мировому балету.

В знаменитый музей Оперы, директором и хранителем которого является С. М. Лифарь, мы входим через едва заметную боковую дверь.

Окна музея залиты мягким майским солнцем. Со стен на посетителей смотрят старинные портреты композиторов, певцов и балерин, прославивших Оперу во всем мире. Под стеклами витрин — маски и макеты первых балетных постановок, опахала, веера, программы, предметы бутафории. Для русского посетителя особый интерес представляют витрины, посвященные нашим артистам.

Под стеклом лежит отпечатанный на пишущей машинке контракт, который был подписан 24 декабря 1909 года в Петербурге «артистом императорских театров Федором Ивановичем Шаляпиным и потомственным дворянином Сергеем Павловичем Дягилевым». Рядом — контракт Дягилева с дирекцией Оперы: согласно этому контракту Дягилев обязывался вносить в кассу театра 8.333 франка за каждый данный им спектакль. Известная фотография изображает Тито Руффо, Карузо и Шаляпина за одним столом. Шаляпин в «Дон Кихоте» и «Борисе Годунове». Посмертная маска Федора Ивановича.

Дальше можно прочесть маленькую расписку Вацлава Нижинского в получении им 14 августа 1913 года 40 английских фунтов. В выложенном бархатном футляре лежит серебряная лира, подаренная кордебалетом Оперы С. М. Лифарю.

Большая декорация А. Н. Бенуа к балету «Петрушка» изображает русские балаганы, ярмарочную площадь под снегом и народные типы Петербурга. На заднем плане возносится «Адмиралтейская игла».

С чувством благоговения останавливаемся около витрины, хранящей сувениры двух прославленных во всем мире артистов балета.

Анна Павлова в заключительной сцене «Умиряющего лебедя». Ее туфельки, крохотный веночек из маленьких роз. Маска и муляж ноги, сделанные русским скульптором Судьбинным. Пожелтевшие странички ее собственноручного письма, датированного 1909 годом. Начало письма артистов и учеников балетной студии Московского государственного Большого театра от 2 января 1926 года с выражением благодарности и признательности великой балерине.

В самом конце музея расположена витрина Дягилева. Под стеклами помещен ряд его портретов от гимназического до зрелого возраста. Собственноручно заполнен-

ные Дягилевым фишки картотеки с детальным описанием книг его богатейшей библиотеки, в частности «Библии» 1517 года. В библиотеке находились такие уникалы, как подлинная азбука Петра Первого, по которой Никита Зотов обучал своего царственного ученика, «Часословник» первопечатника Ивана Федорова (XVI век), подлинный экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и другие. Собраны даже курьезные мелочи, вроде часовых брелоков, визитных карточек и театрального бинокля, взятого когда-то Дягилевым на прокат у билетерши за два су (10 сантимов) и оставшегося в его пользовании 22 года, до самой смерти.

В большом библиотечном зале Оперы нам показывают папки с макетами покойного Льва Бакста к балету «Спящая красавица», сделанными в 1921 году в Лондоне; на полях рисунков — длинные ряды пояснительных заметок. Начало этой библиотеке было положено в 1880 году архивистом Нюиттером. Сейчас в ней 25 тысяч книг и около 100 тысяч разных эстампов, начиная с рисунков Берена и Боке (эпохи Людовика XIV и Людовика XV). Партитуры Сюлли, Равеля, автограф Моцарта, фрагменты Бетховена; огромная переписка Дягилева с Равелем, Дебюсси, Сати, Прокофьевым, Стравинским. Драгоценные папки с макетами Бакста к балету «Дафнис и Хлоя», Александра Бенуа — к «Жизели» и «Золотому петушку», Бушэна — к «Снегурочке» и «Дивертисменту», Добужинского — к «Князю Игорю», Ларионова и Гончаровой — к «Борисфену»; партитуры Дебюсси и Стравинского, подробные записи всех постановок Сергея Лифаря. Библиотекой щемерно пользуются около сотни посетителей почти из всех стран мира: певцы, композиторы, артисты, профессора консерваторий и музыковеды, балетмейстеры, декораторы и журналисты. Лифарь провожает меня в соседний кабинет, где на верхней полке старинного шкафа покоится заказанная им в Венеции бронзовая посмертная маска Дягилева.

Такова в общих чертах замечательная сокровищница искусства — французская Опера, традиции которой бережно хранят люди, ценящие все прекрасное.

Разумеется, наши читатели поставят вопросы: существует ли во Франции общедоступный рабочий театр? Есть ли какая-либо связь между актерами и зрителями?

Как правило, рабочие не посещают государственных театров (Опера, Опера-Комик, Французская Комедия) из-за непомерной дороговизны билетов. Частные театры лишь немногим дешевле. Единственный доступный для кошелька скромного труженика Национальный Народный Театр (сокращенно — ТНП) основан передовым французским режиссером Жаном Вилларом. Зимой он ставит во Дворце Шайо пьесы классического и современного репертуара, летом объезжает наиболее крупные рабочие центры французской провинции. Существуют еще две небольших рабочих труппы. Но, при наличии многомиллионного рабочего класса Франции, эти три театра являются в полном смысле «каплей в море».

Недаром уже в течение целого десятилетия со времени окончания войны вся передовая пресса борется за создание самостоятельного и свободного рабочего театра. Придет время — и такой театр будет создан, и искусство, наконец, вплотную приблизится к миллионам французских тружеников.

Виктор КУРИЛОВ.